

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

---

*ГАСАНОВА Надежда Курамачмедовна - кандидат психологических наук, главный специалист
Министерства по делам национальностей и региональной политике РФ.*

Дезинтеграция Советского Союза, повлекшая за собой разрушение идеологии, которая лежала в основе политической культуры нашего общества в течение десятилетий, вызвала напряжение психических сил людей, ощущение внутреннего дискомфорта, глубокого духовного разлада, а когда конфликты внутренние накладываются на многочисленные внешние, то это порождает серьезные личностные кризисы, экстраполирующиеся затем на социум. Свой вклад в сей негативный процесс вносят попытки территориальных переделов, сопровождаемые новыми концепциями национального развития, которые определяются сознательно культивируемыми особенностями этноса, языка и религии.

В изменившихся условиях постсоветской России общественное сознание некоторых этнических групп обнаруживает острую чувствительность к тому, что воспринималось в качестве прерогативы русских, долгое время доминировавших в сфере управления и экономики во многих регионах. Оказалось непросто быстро и эффективно перейти к демократическому плюрализму, опираясь на модели зарубежных государств. Попытки демократизации бывшего советского общества означали не только доступ к правам и свободам. Реальность предъявила более сложные, чем раньше, требования к гражданам. Они свободны и сами должны решать свои проблемы, тогда как при тоталитарном режиме приходилось лишь выполнять определенные предписания и следовать сложившимся стереотипам. Новая экономическая действительность всколыхнула глубинные пласты психики на личностном и групповом уровнях, сделала необходимой смену гражданского статуса соборного, коллективного индивида на статус самостоятельной, автономной личности. Задача эта непростая в силу известной "срединности", раздвоенности российского человека, связанной с евразийским расположением ареала его жизнедеятельности, с особым умонастроением, в котором слились воедино западничество признание индивидуальности и восточная коллективистская ментальность, гипертрофированная отчасти некоторыми процессами социалистической эпохи.

У населения возникли и другие проблемы психологического порядка, соотносящиеся со спецификой функционирования этнического самосознания, в понятие которого включается не только национальная идентификация, но и воззрения на характерные черты своего народа ("этнические автостереотипы"), на его происхождение, историческое прошлое, культуру, в том числе традиции, нормы поведения, обычаи. Кроме того, в структуру этого понятия входят представления о территории проживания и государственности этноса, если такая имеется. Язык, будучи и сам одним из признаков этничности, рассматривается в качестве общего аналога этнического явления как такового. Все это эмоционально окрашено, вызывает определенные чувства (гордость, любопытство, скорбь о потерянном и т.д.). Вместе с тем именно национальное восприятие особенно чутко реагирует на социальные изменения.

Если раньше человек уверенно идентифицировал себя с советским народом, коллективом, референтной неформальной группой, которая чаще всего была этнически гетерогенной, то теперь ему приходится вносить существенные коррективы в личностные параметры идентификации. Такие, казавшиеся фундаментальными, факторы общности, как язык, история, культура, государственность в своей совокупности не всегда срабатывают. Только один показатель не утратил действенности - самоотнесение человеком себя к той или иной национальности. Но этот способ, идентифицирующий по национальной принадлежности, как выяснилось, приводит зачастую не к этнической толерантности, а к ее противоположности - шовинизму.

Социальные перемены по-разному повлияли на процесс адаптации к новой жизни различных российских этнических групп, а также осложнили взаимоотношения между ними. Для некоторых этносов, длительный период ориентировавшихся на ценности советского коллективизма, крах политических и идеологических устоев прежней общественной системы обернулся

необходимостью поиска новых форм групповой идентичности, безопасности и экономического благополучия. Потребовалась трансформация консервативного психического образования - стереотипов, формирующихся на уровне обыденного мышления и выступающих устойчивым, эмоциональным по своей природе и предзаданным по своему характеру элементом этнического сознания.

У народов, сохранивших консервативное этническое самосознание и в основном исповедующих ислам, этнопсихологическая перестройка не вызвала в целом болезненных потрясений. Главным вектором для них во многом были не гражданские институты власти, а законы шариата. Эти народы в значительной мере жили по адатам - устно и поведенчески передаваемым религиозным установкам, юридическим, по своей сути, сложившимся на основе зафиксированных в Коране правил. Обнаруживаются эти консервативные компоненты в мусульманских преданиях, легендах, мифах, поверьях, приметах, предрассудках, обрядах, национальных вкусах, стилях, нравах, поэтическом творчестве, искусстве - словом, в самых разнообразных проявлениях духовной практики. Этот каркас в исторической памяти народа поддерживают устойчивые, традиционные структуры этнических сообществ, такие, например, как тейпы.

Значимость "старых традиций" заметно возросла в пору нынешней политической нестабильности. При неустойчивом равновесии общественных сил традиция может выступить фактором, который способен нарушить на какое-то время их соотношение, однако трудно прогнозировать, какова будет при этом ее роль. Несомненно одно: неопределенность традиционного поведения усиливается благодаря некоторым особенностям российской истории. Так, исторически конституция как важнейший институт государства либо существовала номинально, либо подвергалась реконструкции, и тогда, согласно "высшей" целесообразности, придумывались "условия и правила игры" за пределами конституционного поля. И сегодня конституция для россиян не является пока всеобщим политико-правовым ориентиром, а тем более гражданской святыней. Осуществлять на этом фоне регулирование процессов адаптации различных этносов к стандартным требованиям государства достаточно сложно.

Проблемы адаптации возникли и у русского этноса, издавна выступавшего источником привлекательных идей, призванных сплотить вокруг него другие народы. Отметим тут же, что высшие идеалы культуры народа не определяют целиком свойственные ему массовое сознание и психологический облик. Наверное, поэтому в современных условиях жизнестойкость "русской идеи", христианской по происхождению, претерпевшей коммунистическую трансформацию, многим представляется проблематичной. В особенности это касается ожиданий органического слияния национального и всемирного, национальных интересов русского народа и интересов всего христианского мира, всего человечества. Между тем "русская идея" сегодня ассоциируется с удивительной способностью народа к импровизации и инновации, позволяющей выходить, казалось бы, из абсолютных безвыходных ситуаций. Но в то же время достаточно ли одной этой способности, чтобы претворять в жизнь стратегические проекты, закладывать новые государственные и экономические основы? Более того, импровизация нередко на практике вырождается в пресловутый принцип "кое-как, лишь бы работало", а это предвещает в обстановке обострения экологических трудностей наращивание риска, например, в связи с вопросом хранения радиоактивных отходов [1].

В границах Российской Федерации проживает более 100 национальностей, из которых самой многочисленной является русская, составляющая около 82% от 147 миллионов населения. Русские живут на всей территории страны, количественно преобладая в большинстве регионов и в крупных городах. Вполне естественно, что установление благоприятных отношений между русским и иными народами предстает в большинстве случаев основой свободного этнического развития и межнационального мира. Немаловажным фактором при этом становится самочувствие русского этноса, приобретающее значение политической проблемы в связи с уточнением статуса бывших российских автономий, вызывающим подчас конфликтные ситуации.

Вплоть до последнего времени наше общество не было свободно от представлений, отождествлявших русскую и имперскую государственность - Россию и СССР. Именно русские в республиках вольно или невольно становились инструментом тоталитарного господства и повсюду чувствовали себя "как дома". Вероятно, поэтому в русском национальном самосознании проблемы самоидентификации не стояли так болезненно остро, как, скажем, у народов Прибалтики, Закавказья, Средней Азии [2]. Упразднение авторитарных порядков резко изменило ситуацию. В ряде республик русские (в совокупности 18 млн.) очутились в положении меньшинства со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Актуализировались вопросы: как научиться ставить гражданство выше этнического происхождения, не испы-

тывая при этом социального беспокойства, ущемления национальной гордости; каков механизм преобразования идентифицирующих установок по культурно-языковому принципу и т.п.

Возможно, русское национальное самосознание еще не претерпело изменений, равных по глубине процессам ренессанса национального самосознания у других этнических групп, однако распад СССР повлек за собой определенные подвижки. Ослабевает тип государственной самоидентификации, вызванный ощущением аморфности новых рубежей, отчуждением территорий, волей истории превратившихся в зарубежье, хотя и близкое. Помимо того что более половины русских прервали свои связи со странами постсоветского пространства (как, впрочем, и с отдельными регионами в пределах новой России), возрастает заметная избирательность их отношения к ним, сужаются границы их житейских устремлений. Материалы социологических исследований ВЦИОМ достаточно выразительно очерчивают геополитическую зону актуального интереса, проявляемого ими - это территории, где преобладает славянское население. Заметен также подъем европоцентристских ориентаций [3].

Вместе с тем в механизме, определяющем идентичность с русскими, сохранилась весьма прочная основа. Литература и язык традиционно универсализировали русскую нацию, и сегодня, как представляется, этот культурный фундамент поможет многим избежать чувствительных психологических потрясений. Длительное воздействие русского этноса на культуру других народов привело к тому, что громадные группы населения так и не утратили осознания принадлежности к "советскому народу". Свыше 90% граждан страны ныне считают русский своим родным языком, надэтнические российские ценности оказались им очень близкими, многонациональная Россия стала для них мини-аналогом экс-СССР. Определяющим критерием самоидентификации тут выступает отнюдь не принадлежность к какой-либо нации, а российское государство и русский язык.

С точки зрения закономерностей формирования и развития наций ситуация с гегемонией русского этноса не является случайностью или историческим произволом - это естественный общественный процесс, адаптация к которому заведомо предпочтительнее для любого народа, чем существование в обстановке бесконечных конфликтов. Вероятно, существуют и противодействующие факторы, прежде всего стереотипные представления о негативных характеристиках русской нации. Предстоит, очевидно, сложный отбор социальных норм и жизненных ценностей в ходе становления нового этнороссийского феномена.

Нельзя не видеть, что у России появился шанс изменить ход собственной истории, построив демократическое общество, основанное на либерально-правовой государственности, реальной рыночной экономике, обладающее условиями раскрытия интеллектуального потенциала всех наций. Использовать его, разумеется, непросто.

Но как преломить предыдущий опыт государственного строительства, в какой идеологической парадигме возможно наиболее адекватное психологическое подкрепление реформ, в чем оно заключается?

В первую очередь предстоит наполнить мысли и чувства людей чем-то вдохновляющим, противостоящим прежним основополагающим идеям "избавления от капиталистического окружения" или "строительства коммунизма". Анализировавший причины, приведшие Советский Союз к краху, французский ученый Режи Дебре в качестве одной из них указал на деталь, которая, думается, заслуживает внимания. По его мнению, СССР утратил конкурентоспособность в области производства символов, умение формировать символическое воображение людей при помощи песен, фильмов, музыки, моды и т.д. Ему кажется, что Америка выиграла соревнование с СССР вопреки наращиванию военной мощи, ибо, грубо говоря, танковая дивизия не может конкурировать с рок-н-роллом [4]. Вот почему столь насущно необходимо возвысить процесс культуротворчества до дела государственной важности, так как приспособление граждан к новому стилю социальной жизни невозможно без целенаправленной тонкой работы по ее эмоциональному наполнению на основе собственных, неэкспортируемых символов, образов и ценностей.

В наши дни можно услышать, что само понятие "русская нация" обречено на отмирание. Но в настоящее "межвременье", когда государство лишено многих цивилизованных инструментов, а политически единая Россия еще не существует, только через посредничество нации индивид может переживать чувство гражданской принадлежности. В этой ипостаси русская нация остается и в обозримом будущем базовой структурой для адаптации личности. Напомним, что этничность вовсе не представляет собой неизменного явления, отдельные этнические группы постоянно возникали и изменялись, вступали в межэтнические процессы интеграции и консолидации. Типовые особенности этносов порождаются общими условиями существования,

общими интересами и целями. Общность содержания деятельности группы укрепляет общность психологических характеристик входящих в нее членов. Социально важно найти медиатор соответствующих процессов: школа, семья, профсоюзы, средства массовой информации, церковь. Этот момент существен для практического воплощения сбалансированной национальной и региональной программы. В то же время приходится констатировать отсутствие механизмов, институционально обеспечивающих взаимодействие государства и общества в данной сфере [5].

Нужно учитывать, что теперь российский гражданин сам себе "Суслов", сам вынужден искать идеологическую нишу, адаптироваться применительно к новым жизненным реалиям. Увы, государственная идеологическая машина не поспевает за жизнью. Российская официальная политика, постепенно отказывающаяся от мысли воспроизвести старую модель государственности, не определилась с новой моделью, идеологические же споры вокруг этой проблемы увеличивают муки и без того трудного процесса вживания россиян в современную общественно-экономическую действительность. Свой негативный вклад сюда вносит и отсутствие стабильности в функционировании государственных учреждений, четко налаженной системы взаимоотношений властей, соответствующей политической культуры, нормального взаимного доверия между политической элитой и населением. А без институциональной устойчивости в обстановке резких колебаний социальной температуры в обществе применение инструментов демократии, как известно, чревато большим риском. И все же оптимальной для существования крупных государств с полиэтничным составом населения служит федеративная форма устройства с территориальной и национально-культурной автономией.

Европейская наука актуализировала вопросы этнического фактора в связи с подъемом национальных движений, деколонизацией народов. Нынешнее единство Западной Европы, между прочим, стало возможным как раз благодаря ее предшествовавшей разделенности. Лишь долгая жизнь в атмосфере национальной независимости и суверенитета способна психологически подготовить массовое сознание к перспективе объединения. Такая перспектива возникла на стадии высокого развития европейской демократии, вся прелесть которой в ее мозаичном многообразии.

Российские государственные структуры федерального и регионального уровней, столкнувшись с трудными проблемами практического управления межнациональными отношениями, не могут опереться на разработки общественных наук (социология, социальная психология, политология), оказавшихся не готовыми к выполнению прикладных задач. Понятно, это тормозит подготовку действенной концепции национальной политики РФ. К примеру, выдвигалась модель, имеющая в виду отказ от национального принципа формирования субъектов Федерации и предлагающая так называемый принцип согражданства. Идея сама по себе привлекательная. Но не приведет ли сейчас такое новшество к обострению межнациональной напряженности в стране? Форсировать процесс становления согражданства означает ни что иное, как повторение опыта большевиков, торопивших слияние народов.

Да, в странах с развитой демократией подавляющее большинство населения ставит гражданство выше этнического происхождения. Государство обеспечивает национальным меньшинствам равные возможности с представителями титульного этноса, создает условия для сохранения и совершенствования национального языка и культуры. Но взамен требует от подданных лояльности. Нарушение "общественного договора" чревато национальными конфликтами. Российская же государственность, к сожалению, пока не в состоянии предоставить гражданам подобный этнический комфорт.

В вопросах осуществления прав этносов на свое культурное развитие обязанность государства заключается в обеспечении эффективных средств защиты в случае их попрания. По тому, какого они характера можно говорить о подлинном или мнимом демократизме той или иной страны. Как свидетельствует вековой опыт демократических государств, традиционным и едва ли не самым надежным гарантом в этой области зарекомендовал себя суд. Принцип верховенства Закона должен быть положен в основание оформляющегося в России нового концептуального подхода к целям и задачам скорейшего реформирования общества. Вместо выявившей свою несостоятельность политики имперского центризма с опорой на местные партнократические элиты и сдерживания реального культурного многообразия надобна политика поощрения естественного взаимодействия двух противоречивых и взаимозависимых процессов: этнокультурной эволюции и социально-экономической интеграции на общегражданской основе. На этом пути национальная идея может быть соединена с идеей целостности российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ламбсдорф О.* Россия и Германия: кто мы друг для друга? // Независимая газета. 20.04.95.
2. *Пугачев Б.М.* Что после империи? // Кентавр. 1992, март - апрель. С. 3—12.
3. Русские (этносоциологические очерки). М.: Наука. 1992.
4. *Миронов В.* Власть идей и идея власти // Независимая газета. 25.04.95.
5. Легальность и легитимность власти // Вестник МГУ. 1994. Серия 12. № 2.